

DOI 10.15826/qr.2018.4.349

УДК 930.2:003.074+94(470)"17"+929Екатерина(470)*2+82-6

**РУССКИЕ И РОССИЯ
В ПЕРЕПИСКЕ ВАЛЕНТИНА ЖАМРЕ-ДЮВАЛЯ
И АНАСТАСИИ СОКОЛОВОЙ (1762–1774)***

Ангелина Вачева

Софийский университет им. Св. Климента Охридского,
София, Болгария

**THE RUSSIANS AND RUSSIA IN THE CORRESPONDENCE
BETWEEN VALENTIN JAMERAI-DUVAL
AND ANASTASIA SOKOLOVA (1762–1774)****

Angelina Vacheva

Sofia University "St Kliment Ohridski",
Sofia, Bulgaria

This article considers the images of Russian people in the correspondence (1762–1774) between Valentin Jamerai-Duval, a French self-taught philosopher in Austrian service, and Anastasia Sokolova (De Ribas), a maid of the bedchamber at Catherine II's court. The publication of 126 letters, carried out in 1784 by the well-known Russian diplomat F. A. Koch, was an important political project aimed at popularising Russia's achievements during the first period of Catherine II's reign among a Western European audience. The letters contain detailed factual information on the history, culture, geography, and domestic and foreign policy of the Russian Empire, as well as its economy and religious life. The correspondents focus on the reform activities of Catherine II and the events of the Russo-Turkish War of 1768–1774. Images of numerous highly educated Russians favourably complement the positive image of the country, overcoming the usual stereotypes. Thus, the publication of Duval and Sokolova's correspondence fits into the new trend for understanding the image of Russia in Western Europe

* Статья подготовлена в рамках межуниверситетского договора о научном сотрудничестве Софийского университета им. Св. Климента Охридского и Саарского университета (Германия). Участники проекта – доктор, профессор Х.-Ю. Люзебринк и доктор, профессор А. Вачева.

** *Citation:* Vacheva, A. (2018). The Russians and Russia in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova (1762–1774). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1110–1128. DOI 10.15826/qr.2018.4.349.

Цитирование: Vacheva A. The Russians and Russia in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova (1762–1774) // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1110–1128. DOI 10.15826/qr.2018.4.349 / Вачева А. Русские и Россия в переписке Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой (1762–1774) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1110–1128. DOI 10.15826/qr.2018.4.349.

that developed in an academic context between the 1770s and 1780s. At the same time, the publication of letters from both correspondents, resembling in their content the correspondence between Catherine II and Voltaire, was meant to prepare readers for the forthcoming publication of the latter correspondence and prevent the negative consequences for the empress.

Keywords: private correspondence; 18th-century Russia; Valentin Jamerai-Duval; Anastasia Sokolova (de Ribas); Catherine II; image of Russia.

Рассмотрены образы русских людей в переписке 1762–1774 гг. французского философа-автодидакта на австрийской службе Валентина Жамре-Дюваля и камер-юнгферы Екатерины II Анастасии Соколовой (де Рибас). Издание 126 писем, осуществленное в 1784 г. известным русским дипломатом Ф.-А. Кохом, было важным политическим проектом, рассчитанным на западноевропейскую аудиторию с целью популяризировать достижения России во время первого периода правления Екатерины II. В корреспонденции представлена богатейшая фактология по истории и культуре, географии, внутренней и внешней политике Российской империи, экономике, религиозной жизни и пр. В фокусе внимания корреспондентов находится реформаторская деятельность Екатерины II, а также события Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Образы многочисленных высокообразованных русских выгодно дополняют позитивный образ страны, преодолевая привычные стереотипы. Публикация переписки Дюваля и Соколовой укладывается в новую тенденцию осмысления образа России в Западной Европе, сложившуюся в 70–80-е гг. XVIII в. в академическом контексте. В то же время появление в печати писем обоих корреспондентов, которые по содержанию напоминают переписку Екатерины II и Вольтера, должно было подготовить читателей к ее ожидаемой публикации и предотвратить негативные последствия для императрицы.

Ключевые слова: личная переписка; Россия в XVIII в.; Валентин Жамре-Дюваль; Анастасия Соколова (де Рибас); Екатерина II; образ России.

Продолжавшаяся на протяжении 13 лет (1762–1774) переписка французского философа-автодидакта Валентина Жамре-Дюваля (1695–1775) и камер-юнгферы Екатерины II Анастасии Соколовой, в замужестве де Рибас¹ (1741–1822), не была предметом широкого научного освещения. По причине малоизвестности комментируемого текста позволим себе некоторые сведения о нем и об обоих корреспондентах.

Дюваль происходил из семьи крестьянина-тележника. Он очень рано остался сиротой, а в 14 лет покинул родной дом. Юноша чуть не погиб в морозную зиму 1709 г. От верной смерти его спасли лотарингские монахи, к которым он нанялся пастухом. Монахи обучили его грамоте, и Валентин часто брал с собой в поле книги и географические карты, которые были другой его страстью. Случайно это привлекло внимание барона из свиты лотарингского герцога Леопольда, и он добился

¹ В русских исторических источниках встречается также вариант написания фамилии Дерибас. – *Прим. ред.*

Неизвестный художник.
Портрет В. Жампре-Дюваля. XVIII в.
Unknown artist. Portrait
of V. Jamerai-Duval. XVIII century

того, чтобы герцог послал молодого человека учиться в университет Понт-а-Муссона. После окончания учебы вельможа принял бывшего пастуха на службу в качестве библиотекаря. Дюваль служил как при нем, так и при его сыне Франце (Франсуа). После брака последнего с Марией-Терезией и обмена Лотарингии на Тоскану между Францией и Австрийской империей (1737) Дюваль последовал за своими благодетелями в Италию и Австрию. С 1748 г. он перебрался в Вену. При австрийском дворе Дюваль служил библиотекарем и нумизматом, ответственным за коллекцию медалей и монет австрийского императора. Несколько раз ему предлагали статус дворянина, но, гордый своим плебейским происхождением, философ каждый раз отказывался. В своих сочинениях он был всегда довольно критически настроен по отношению к сильным мира сего. Дюваль умер в Вене в ноябре 1775 г., так и не обзаведясь собственной семьей. Он вел очень скромную жизнь, а свое хорошее жалованье почти целиком тратил на благотворительность и на покупку книг.

В начале 1762 г. в театре в Вене Дюваль познакомился с 20-летней Анастасией Соколовой, сопровождавшей своего побочного отца, выдающегося деятеля Екатерининской эпохи Ивана Ивановича Бецкого по пути домой, в Россию, куда его вызвал после 15-летнего отсутствия новый император Петр III. Между пожилым философом и Соколовой завязалась переписка, продолжившаяся 13 лет до последнего года жизни Дюваля. Корреспонденция была впервые опубликована в оригинале на французском языке вместе с другими мемуарными и философскими текстами Дюваля в двухтомнике его работ 1784 г., изданном в Страсбурге русским дипломатом, уроженцем этого города Фридрихом Альбертом (Фредериком-Альбером) Кохом, известным также под своим русским именем Федор Иванович [Duval]. Переписка насчитывает 126 писем, оригиналы не сохранились. Ее издание окутано ореолом тайны, и за ним, по всей видимости, стояла серьезная политическая игра. Оформление двухтомника, посвященного Екатерине II, на титуле которого как место издания отмечен Санкт-Петербург, сильно отличается от оформления русских книг того времени и следует западноевропейскому образцу². Много писем явно было потеряно еще в то время, и этот факт отмечается издателем. Нет

² В «Сводном каталоге книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке» (Л., 1984, т. 1) нет данных о подобном издании.

их перевода на русский язык, в России же переписка издавалась лишь отрывочно. До конца XVIII столетия и в XIX в. письма Дюваля и А. Соколовой публиковались несколько раз на французском и немецком языках и были известны также в России, о чем сохранились документальные свидетельства³. В конце 1916 г. известный русский нумизмат и меценат С. Н. Казнаков опубликовал в научно-популярном журнале «Старые годы» обширное исследование о переписке Дюваля и Соколовой и лишь ее письма на французском языке [Казнаков]. Смутное время революций 1917 г. и последующие события никак не способствовали читательскому интересу, и теперь переписка известна лишь узкому кругу исследователей.

С. Торелли. Портрет
А. И. Соколовой (де Рибас). 1770/1775

S. Torelli. Portrait
of A. I. Sokolova (de Ribas). 1770/1775

Большинство писем Дюваля значительны по объему. В них он развивает определенные философские идеи. Анастасия также иногда довольно пространно объясняет собеседнику реалии русского быта, исторические факты, новости культурной жизни. Большая же часть ее писем отличается лаконичностью. Они явно подвергались как автоцензуре, так и сокращениям при публикации.

Помимо неизбежных светских любезностей и шуток, которыми обмениваются оба корреспондента, в письмах идет речь главным образом о разных сторонах русской жизни. Нет сферы, которая бы осталась незатронутой. Любопытный Дюваль интересуется буквально всем – нравами и обычаями, состоянием семьи, отношениями между господами и крепостными, кухней, модой, одеждой различных сословий, особенностями русских городов, природой, и т. д., и т. п. Иногда он так засыпает собеседницу вопросами, что она вынуждена воскликнуть в одном из писем: «Ваши последние два письма заставили меня потерять дар речи. Разве можно быть столь любопытным?» [Duval, t. 2, p. 136]⁴. Анастасия регулярно посылала своему другу монеты разных периодов истории русского государства, медали, отчеканенные по поводу разнообразных событий. Географические карты и гравюры известных исторических лиц или иллюстрации к праздникам, фейерверкам, коронационным торжествам и подобным публичным зрелищам Соколова отправляла Дювалю при каждом удобном случае. Отправка очередной посылки была поводом обсудить разно-

³ О западноевропейских изданиях переписки см.: [Lüsebrink].

⁴ Здесь и далее перевод цитат из корреспонденции мой. – А. В.

образные исторические факты и обстоятельства, современные бытовые и политические реалии.

В центре внимания философа – активная реформаторская деятельность Екатерины II первого десятилетия ее правления. «Деревенский философ»⁵ интересуется буквально каждым нововведением «Северной Минервы» Екатерины II и следит с затаенным дыханием за каждым событием, подтверждающим ее статус просвещенной монархини. Начав с расспросов о географических особенностях, о монетах и медалях, связанных с историческими личностями, о религиозных обычаях и культурной жизни страны (например, есть ли в стране театры), Дюваль постепенно переходит к обстоятельным расспросам о современных событиях. Надо отметить, что благодаря своим знакомствам со многими русскими и с людьми, по долгу своей службы бывавшими в России или жившими там, философ был очень хорошо осведомлен о происходящем в Северной империи. Он, хотя и не знал русского языка, читал (или ему переводили) о России все, что попадалось ему под руку, и благодаря своим разносторонним интересам имел относительно полное представление о прошлом и настоящем страны. В переписке создается идеализированный образ России, созвучный с идеями и иллюзиями европейского Просвещения⁶. Частью этого образа стали представления «деревенского философа» о русских, сформировавшиеся на основе информации, почерпнутой из книг и устных рассказов его знакомых, а также на основе впечатлений от общения с представителями русской элиты.

Интерес Жамре-Дюваля к России возник, судя по его письмам, еще в начале 20-х гг. XVIII в. Очевидно, вскоре после смерти Петра I он пишет своему другу, лакею при австрийском дворе:

Я перехожу к более серьезной материи, которая очень меня занимает. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы могли подробнее описать теперешнее состояние Московии, которую вы знаете гораздо лучше, чем я. Встречаете ли вы москвитов при вашем дворе? Как они одеваются? Все еще ли они подвержены скифской дикости [férocité]? Продолжают ли у них развиваться науки?

И тут же он просит друга помочь ему достать монеты царствования «усопшего царя и царствующей теперь императрицы», имея в виду Петра I и Екатерину I [Courbet, 2011, p. 127].

В начале переписки Жамре-Дюваль проявляет живой интерес преимущественно к обычаям и религиозной жизни незнакомой страны. Он не довольствуется стереотипными представлениями о России и русских и требует у своей корреспондентки уточнить детали того,

⁵ «Philosophe champêtre» – одно из шуточных прозвищ Дюваля в переписке, которое дает себе он сам ввиду своего крестьянского происхождения.

⁶ Об образе России в переписке и об обстоятельствах ее публикации как важного политического проекта Екатерины II см.: [Вачева, 2017].

что он уже знает понаслышке или из книг: действительно ли так строги и длительны посты, каким святым кланяются православные, какие молитвы они читают. Он просит А. Соколову прислать ему «Часослов», чтобы собственными глазами ознакомиться с ними. Рациональный ум Дюваля отказывается принимать и понимать продолжительные православные посты. По его мнению, они излишне ослабляют здоровье людей и не являются выражением истинной веры в Бога, который нигде не упоминает о необходимости такого сурового испытания человеческой воли. Длительные и частые посты для него – средство манипуляции прихожанами, скорее своего рода суеверие, над которым он нередко подшучивает в своих посланиях. С другой стороны, собеседник мадмуазель Анастасии приятно удивлен, что православные почитают тех же святых, что и французы, и особенно святого Николая. С точки зрения рациональных просветительских норм Жамре-Дюваль судит и о раскольниках, быт и верования которых сильно заинтересовали его.

Другие распространенные стереотипы «варварства» русских, которые вызывают критическую оценку философа, – телесные наказания и разврат, пережитки старых традиций, которые унижают достоинство женщин, разрушают нравственность и таким образом ослабляют страну. Дюваль обращается с вопросом, существует ли все еще ужасающее наказание батогами («tapage»), которое описано в деталях аббатом Шаппом д'Отроша в «Путешествии в Сибирь по приказу короля в 1761 г.» (1768), тем более что от своих русских друзей он слышал, что оно сохранилось и на Украине [Duval, t. 2, p. 114]. В этой связи философ приветствует просвещенную политику Екатерины II, основанную на естественном праве, намерение императрицы отменить смертную казнь, процесс и суровое наказание Салтычихи за зверства над ее крепостными. Семейные отношения интересуют Дюваля в связи с вопросами религии и общечеловеческой нравственности. Повод ему подает также прочитанное у аббата Шаппа д'Отроша о глубоко развратном поведении русских до брака и в браке, об их распущенности. Самое сильное впечатление на него производит критика семейных отношений раскольников в трактате святого Димитрия Ростовского «Розыск о раскольниковской брынской вере»⁷. «Галантное общество господ раскольников» является предметом частых комментариев в письмах философа. В переписке их семейные отношения (заключение браков без венчания, свободное сожителство мужчин и женщин, создающее возможности для развращения молодых девушек) представлены как экзотические странности глубоко невежественных людей, сектантов и маргиналов, живущих по старинке вне цивилизованного русского общества. Преодоление традиционных «варварских» практик Жамре-Дюваль рассматривает как залог модернизации страны.

⁷ Любопытно, что Дюваль получает книгу, ставшую к этому времени большой редкостью, прямо с письменного стола русской императрицы, которая, узнав, что А. Соколова нигде не может найти экземпляра, отдает свой. Конечно, этот щедрый царский жест стал своеобразной рекламой личности Екатерины II.

Позже, в годы Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., собеседник Анастасии восхищается храбростью и воинскими успехами «своих друзей русских», которые выступают как защитники слабых и угнетенных, а также защитники европейской цивилизации, поставившие себе целью освобождение ее колыбели. Впрочем, в письмах этого периода отсутствует подчеркнутый религиозный контекст борьбы христиан с мусульманами, столь характерный для манифестов и лирики того времени⁸, а противоборство двух империй интерпретируется именно как борьба просвещения с варварством, подчеркивается терпимость российского престола по отношению к представителям других религий. В годы войны русские воины демонстрируют важный аспект своего поведения, который в очередной раз доказывает высшую степень цивилизованности, достигнутой их отечеством. Они смелые защитники женщин, уважающие их достоинство и независимость, в отличие от османов, которые в силу своей непросвещенности смотрят на них лишь как на рабынь, предназначенных удовлетворять их сластолюбие. Эта тема, столь характерная также для переписки Екатерины II и Вольтера, поддерживает типичный для русской политики того времени ориентализирующий дискурс по отношению к Османской империи и подчеркивает принадлежность России к обществу цивилизованных европейских стран⁹. Наряду с подробными «сводками» военных действий на суше и на море, которыми изобилуют письма периода войны, и энтузиазмом по поводу русских побед, эти детали показывают, что «русские умеют не только жечь крепости бомбами и пушечными ядрами»¹⁰ [Duval, t. 2, p. 119]. Дюваль старается реалистически смотреть на перспективы России, опровергая выпады многих ее недругов, каким был аббат Шапп д'Отрош. Надо отметить, что «деревенский философ», будучи убежденным русофилом, все же не спешил подключиться к дружному хору противников ученого аббата, изложенных в его «Путешествии в Сибирь». Искренний почитатель России и политики Екатерины II, он все-таки находит справедливыми многие замечания Шаппа д'Отроша, в основном в описании проявлений невежества, предрассудков, «варварских» традиций как среди населения, так и среди духовенства и дворянства. Подобные факты интерпретируются им скорее как пережитки прошлого, которые постепенно преодолеваются и истребляются заботами Северной Минервы.

С болью вижу, что совсем не без причины аббат Шапп осмелился критиковать глубокое невежество ваших монахов и легковверные суеверия ваших народов. Дай Бог, чтобы законы августейшей Фемиды в скором времени могли их рассеять,

⁸ О проблематике и образности русской поэзии времени Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. см.: [Vacheva; Klein; Клейн].

⁹ О параллели между корреспонденциями Екатерины II и Вольтера и В. Жамре-Дюваля и А. Соколовой см.: [Вачева, 2018a].

¹⁰ Очередное опровержение аббата Шаппа д'Отроша.

– пишет философ вскоре после чумной эпидемии 1771 г. в Москве [Duval, t. 2, p. 191]. Корреспондент А. Соколовой склонен заочно спорить с ученым аббатом и радуется каждой возможности опровергнуть его клеветнические утверждения насчет настоящего и будущего России:

Верю, что если бы аббат Шапп был еще жив, он бы с удивлением узнал, с каким мужеством августейшая самодержица опровергла все его предсказания, которые он осмелился изречь, что Россия не будет в состоянии покрыть расходы двух кампаний, не исчерпав все свои ресурсы [Duval, t. 2, p. 123].

Акцент на образах просвещенных русских присутствует на протяжении всей переписки. По долгу своей службы в качестве библиотекаря и хранителя нумизматических коллекций императора Священной Римской империи Дюваль ежедневно встречался с представителями разных наций. Многие визитеры пользовались случаем не только познакомиться с образцовыми собраниями, но и побеседовать с философом-самоучкой, который производил впечатление не только своей начитанностью и богатейшими знаниями, но также своими независимыми суждениями и оригинальностью мышления. В первую очередь частыми собеседниками Дюваля были русские дипломаты и служители русского посольства в Вене. Они же были и наиболее частыми посредниками в общении обоих корреспондентов, постоянно передавая письма и посылки между австрийской и русской столицами. Посол князь Д. М. Голицын, известный своей благотворительной деятельностью и просвещенностью, удостоился в письмах «деревенского философа» устойчивого эпитета «прославленный князь Димитрий» («illustre prince Dimitry»). Не только посол, но и его подчиненные были частыми гостями Дюваля. На страницах писем то и дело мелькают имена молодых друзей хранителя медалей, производящих впечатление своей начитанностью и широкой осведомленностью. Первый из них – предположительно Иван Васильевич Миловский, будущий секретарь Алексея Орлова, участник Чесменской битвы, комендант Лесбоса¹¹. Второй – выдающийся сербский просветитель Павел Юлинец (Павле Юлинац), перешедший на русскую службу, переводчик «Велизария» Мармонтеля на сербский язык, автор первой систематической истории сербского народа¹².

Среди русских посетителей Императорского кабинета медалей был И. И. Шувалов. Дюваль пишет Анастасии 25 октября 1762 г.:

Думаю, что, если бы все русские вельможи были как он, они бы путешествовали только по той причине, чтобы преподавать уроки скромности, приветливости и вежливости великим мира сего других наций [Duval, t. 1, p. 158].

¹¹ Благодарю Е. Б. Смилянскую за помощь в установлении личности этого персонажа.

¹² См. о нем: [Костяшов].

Другой посетитель, который высоко оценил сокровища, хранимые философом, – граф К. Г. Разумовский. Дюваль пишет мадмуазель Анастасии:

Бывший гетман казаков, импозантный и респектабельный г-н Разумовский, также часами рассматривал любопытные предметы, которые, думаю, редко можно увидеть на Украине, но, которые когда-то могут стать общими, если высокие замыслы мудрости, которая управляет Россией, сбудутся [Duval, t. 1, p. 202].

Среди русских гостей Дюваля, которые произвели на него глубокое впечатление, были молодой поэт князь Ф. И. Козловский, о геройской гибели которого на войне он будет искренне тужить¹³, и только что освобожденный из стамбульского Семибашенного замка выдающийся дипломат П. А. Левашов, мужественно отстаивавший вместе с послом А. И. Обресковым интересы России.

Следует особо отметить посещения кабинета медалей прекрасными молодыми дамами, вызвавшими, как и Анастасия Соколова, восхищение венского двора (и, конечно, Жамре Дюваля) не только своей красотой, но также глубокой начитанностью, интересами, элегантностью, любезным обращением. Это графиня Е. П. Шувалова, супруга известного поэта и друга Вольтера графа А. П. Шувалова, и графиня А. М. Строганова, урожденная Воронцова, о чьей безвременной кончине Дюваль также будет искренне жалеть¹⁴. В письме от 22 апреля 1766 г. философ описывает визит «восхитительной дамы из вашей страны», которая «после того как осмотрела все, что является величайшей редкостью и вызывает любопытство в остальной части Европы, вчера посетила императорский кабинет [медалей]» [Ibid., t. 1, p. 184–185]. Философ продолжает в галантном духе:

Я верю, что чуть ли не все прелестные Биби¹⁵ вашей страны являются дочерьми солнца и, следуя его примеру, они готовы разъезжать по миру с единственной целью согревать сердца и просветлять умы.

Дюваль использует распространенное представление о красоте русских женщин:

¹³ После Вены Ф. И. Козловский побывал в Фернее и имел там возможность беседовать с Вольтером, которому он отвез французское издание «Наказа» [Voltaire – Catherine II, p. 77].

¹⁴ Обе дамы были сверстницами, и их личности перепутались в сознании Дюваля, который в письме от 4 апреля 1769 г. оплакивает смерть «восхитительной г-жи Шуваловой» [Duval, t. 1, p. 319]. Благодарю Марию Петрову за разгадку этого обстоятельства.

¹⁵ Шуточное прозвище, которое Дюваль дает всем женщинам, не только корреспондентке, но также императрицам Екатерине II и Марии-Терезии, святым и пр.

Его превосходительство князь Голицын подарил мне эстампы с изображениями его восхитительной покойной супруги и вашей благодетельницы¹⁶ и его превосходительства генерала Бецкого, вашего покровителя и благодетеля. Я счастлив их приобрести. Считайте, что, если бы я был гравером, ваш и графини Шуваловой [портреты] были бы моими шедеврами [Ibid.].

Через месяц Дюваль опять возвращается к воспоминаниям о прекрасной графине, но подчеркивает, что та, помимо красоты, обладает сильной и чувствительной душой – сочетание, «характерное для русского климата» [Ibid., p. 188]. В дальнейшем этот взгляд проявится в письмах периода Русско-турецкой войны, но там он будет сопряжен с мотивом храбрости и патриотизма российских женщин (русских, украинок, грузинок, мингрелянок, черкешенок), которые не склонны мириться с положением рабынь в турецких сералях. В галантном диалоге обоих собеседников выразительницей этих настроений должна стать мадмуазель Анастасия, которая делается фавориткой султана лишь из-за того, чтобы дать свободу всем заключенным в сералях одалискам.

На фоне позитивных портретов русских людей в переписке встречаются и хорошо знакомые по сатирической литературе того времени персонажи. В одном из писем Дюваль вспоминает о типичном русском петиметре, поверхностном, демонстрирующем на каждом шагу свое превосходство:

Несколько лет тому назад я видел здесь одного молодого и красиво-го русского господина, очень похожего на создания с человеческим лицом, которых именуют петиметрами. Я увидел еще по свободному выражению его лица, любезностям, интонациям и быстроте его речи, что он приехал из Парижа. За несколько минут он пробежался по внушительным коллекциям Императорского кабинета медалей. Он так пере-скакивал от одного шкафа к другому, что я успевал лишь их открывать и закрывать. Мне казалось, что я вижу мотылька, порхающего с цветка на цветок, нигде не останавливающегося. Мы с ним образовали небольшой вихрь, на который забавно было смотреть. Взамен я имел несказанное удовольствие созерцать, как восхитительная Биби, которую вы знаете, на протяжении почти трех часов, утомляя свои прекрасные глазки, рассматривала разнообразные памятники нашего собрания. Я был бы счастлив, если бы ее изображение украсило его [Ibid., p. 201–202].

Это единственный отрицательный пример, и он отнесен не к настоящему, а к прошлому. К тому же он сразу же сглажен рассказом

¹⁶ Княгиня Екатерина-Смарагда Дмитриевна Голицына, урожденная Кантемир, дочь Дмитрия Кантемира от его второго брака с А. И. Трубецкой (побочной сестрой Бецкого), сестра знаменитого поэта Антиоха Кантемира, супруга князя Д. М. Голицына. Она взяла на себя заботы о воспитании маленькой А. Соколовой.

о молодой, красивой и просвещенной даме и о гетмане Разумовском, о котором речь шла выше.

Многочисленные позитивные образы русских, однако, могут быть лишь фоном. На нем в переписке выступают два персонажа, которые могут рассматриваться (а в действительности и были для многих иностранцев, оказавшихся в российской столице) как своеобразные лица страны. Во-первых, это крупный деятель Екатерининской эпохи, своего рода министр культуры Екатерины II И. И. Бецкой, побочный отец А. Соколовой. Перед читателем писем раскрывается его кипучая деятельность – устройство Воспитательного дома и Смольного института благородных девиц, поддержка Академии художеств, руководство изготовлением планов, гравюр, печатных изданий, вечные разъезды по Европе и России и популяризация успехов страны. Один из проектов, разработанных под патронажем Бецкого, который часто становится объектом комментария в письмах, – работа над памятником Петру I, будущим «Медным всадником» (приглашение Фальконе и Мари Колло, транспортировка Гром-камня¹⁷ и пр.). И. И. Бецкой представлен как авторитетный, справедливый и преданный своему делу образцовый вельможа, который без устали трудится на благо своего отечества, весьма заслуженно получает признание своих современников и удостоивается памятной медали. Этот по-классицистически идеализированный образ Бецкого, конечно, не предполагает описания его реального поведения царедворца, в котором присутствовали и черты барской спеси, и сервильность.

Может быть, наиболее ярким в переписке является образ самой А. Соколовой. «В предпринятом им “энциклопедическом” изучении незнакомой ему страны большинством своих сведений о России, русском искусстве и искусстве или, вернее, правильным представлением о них в этот период их расцвета Дюваль обязан был всецело Соколовой, которой нельзя отказать в большой доле участия в деле популяризации за границей славных деяний Екатерининского царствования. В случайно выпавшей на ее долю роли, как бы нарочно подготовленная к ней своим умом, образованием и жизнью за границей, Анастасия Ивановна Соколова в переписке с Дювалем является как бы пособницей Екатерины в том “незаметном” рекламировании ее действий, которым не брезгала сама императрица в своих сношениях с Вольтером, Дидро и главным образом “козлом отпущения” Гриммом», – пишет С. Н. Казнаков в единственном русском дореволюционном исследовании, посвященном рассматриваемому тексту [Казнаков, с. 28]. За будущей госпожой де Рибас закрепились противоречивая слава. В зависимости от того, как относился к ней мемуарист, оставивший воспоминание о ней, оценки колеблются из крайности в крайность. Ее недруги А. Р. Воронцов и шевалье де Корберон видят в ней выскочку, принижают даже ее придворный статус, закрывая гла-

¹⁷ В качестве сувениров Анастасия посылает собеседнику обработанные отломки камня, небольшие скульптурные изделия из них и пр.

за на довольно высокое положение камер-юнгферы при дворе, и объявляют ее бывшей горничной сначала княгини Голицыной, а потом и императрицы, приписывая ей низкие моральные качества [Воронцов, с. 282; Corberon, t. 1, p. 281–282, t. 2, p. 143]. Побочный сын Екатерины II Алексей Бобринский, находившийся на попечении семьи де Рибас во время своего обучения в Кадетском корпусе, также оставил о ней противоречивые отзывы: «Рибасша» – «добрейшая женщина», которая, однако, может впасть в бешенство [Бобринский, с. 120]. Г. Ржевская свидетельствовала: «Г-жа Рибас – фурия, дьявол воплощенный, заклятый враг, отравила мое чистосердечие» [Ржевская, с. 51]. С другой стороны, положительных отзывов о нашей героине не меньше, хотя многие из мемуаристов имеют к ней амбивалентное отношение, отмечая некоторые ее слабости. Саксонский дипломат Г. фон Гельбиг определял ее так: «Она была умнейшей, образованнейшей и прекраснейшей женщиной всего двора» [Гельбиг, с. 225]. Ф. Миранда радуется радушному приему у Бецкого и Анастасии де Рибас, отмечает вкус хозяйки и «удивительный висячий сад» в доме, ее интересную беседу (особенно рассказы о Дидро), то, что «в их обществе я многому учусь и особенно приятно провожу время» [Миранда, с. 270]. В то же время путешественник отмечает, что Анастасия «всегда готова посплетничать» [Там же]. Английский посол Дж. Харрис отмечал ее «большую уверенность, хитрость и знание всех петербургских сплетен, что делало ее разговор интересным» [Гаррис, с. 763]. К. Валишевский приводит сходное мнение французского генерала Ланжерона: «Эта женщина, хорошенькая, остроумная и пронырливая, соединяла обычное нахальство выскочки с обыкновенным лукавством придворной» [Валишевский, с. 35]. Многие иностранцы, оказавшиеся в России, часто обращались к госпоже де Рибас за помощью, надеясь на ее близость к императрице и на ее доброе сердце. Ш. Массон рассказывает любопытный случай, когда сын барона Билиштейна, приехавший в поисках своего отца и находившийся в крайне трудном положении, решил попросить ее о помощи, убежденный после прочтения «Жизни Жамре Дюваля и его переписки с mlle Соколовой» в том, что у нее доброе сердце: «Когда он случайно прочитал одно из ее прекрасных писем к Дювалю, это вывело его из отчаяния, так как он подумал, что дама, столь изысканно выражающая чувства благотворения и человеколюбия, имеет их и в своем сердце» [Массон, с. 87]. Обращались за заступничеством к госпоже де Рибас и питомцы Воспитательного дома, жалуясь на злоупотребления отведенными на их содержание средствами [Лавринович, с. 266, 278].

А. Соколова произвела впечатление на Дюваля своим живым характером, красотой, высокой культурой, которые заметно отличали ее от других дам. Ее непосредственность и энергичность вошли в пословицу. Екатерина II писала мадам Жоффрен, хорошо знавшей молодую девушку: «...обычный туалет мой не продолжительнее серьезности Настасьи» [Екатерина II, с. 259]. Сама Соколова подробно указала

в письме к Дювалю на это свое качество, описывая муки Фальконе и Мари Колло, которые они испытывали, пытаясь заставить ее посидеть неподвижно, чтобы слепить с нее портрет:

Фальконе только что приехал в наш город; наша государыня вызвала его, чтобы он сделал статую Петра Великого. С ним его родственница, 18 лет, очень милая, она настоящий феномен, так как неизвестно, чтобы кто-нибудь нашего пола занимался когда-то скульптурой. Они должны были начать с моего бюста, и то, что им казалось труднее всего и они много раз обсуждали, – как заставить меня сидеть смиренно по причине моей живости [Duval, t. 1, p. 191].

Анастасия славилась своим искусством забавлять гостей, но делала это по-своему, «говоря им в лицо чистую правду, что они принимали за проницательность (*finesse*)» [Ibid., t. 2, p. 105]. Сам Дюваль еще в начале переписки находит свою новую знакомую «очень достойной посмотреть эту внушительную коллекцию разнообразных памятников современной истории» [Ibid., t. 1, p. 124].

Анастасия Соколова – достойный собеседник философа. Несмотря на то, что ее ответы большей частью урезаны, можно убедиться в обширности ее знаний и интересов. Показательно также то, как быстро она ориентируется в том, как раздобыть требуемые корреспондентом научные книги, как сама находит и посылает ему новейшие научные публикации, политические документы, гравюры, эстампы, партитуры арий из опер и пр.; то, как она умело подбирает удачные подарки, которые негласно демонстрируют венским жителям экзотику, но также ключевое местоположение и возможности российской экономики, и делают Россию доступной, близкой (см.: [Вачева, 20186]). Будучи воспитанницей прославленной французской драматической актрисы мадмуазель Клерон, Соколова славилась знанием многих произведений Вольтера. Круг ее литературных познаний чрезвычайно широк: корреспондент рассчитывает на ее понимание, приводя многочисленные цитаты из Мольера, Буало, Лафонтена, Лесажа, Лабрюйера, мадам де Севинье, Монтескье. В круг ее чтения входят древние авторы (Анакреон, Тибулл, Овидий, Плиний и Цицерон, но также Плутарх, Иосиф Флавий, Виктор Аурелий), современная французская проза, стихи Мильтона и Грессе, аббата Койе, Геснера, Цахарие и т. д. Камер-юнгфера читает «Энциклопедию», «Наказ», «Путешествие в Сибирь» аббата Шаппа д'Отроша, анонимно напечатанный «Антидот» ее повелительницы и высказывает о них свои критические суждения. Таким образом, заслуга А. Соколовой состояла не только в «рекламе» достижений русской культуры. Сама она была великолепным примером красивой, но при этом блестяще образованной и космополитично настроенной русской дворянки, которая со вкусом и тактом представляла свою страну.

Переписка Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой увидела свет в сложной ситуации на международной политической сцене. В Европе начала 80-х гг. XVIII в. изобиловали негативные и даже враждебные по отношению к России и персонально к Екатерине II сочинения (см.: [Stroev, p. 415–434]). Основанные на стереотипах, они утверждали отрицательный образ страны и препятствовали возрастающему влиянию России в Европе, что шло вразрез с целями «философа на российском троне».

После смерти Вольтера в конце мая 1778 г. Екатерина II особенно боялась публикации своих писем фернейскому философу. Она была крайне раздосадована, когда узнала, что переговоры об этом с издателями и с племянницей и наследницей философа мадам Дени ведет «Фигаро» – П.-О. Бомарше, который в конце концов и осуществил это издание в 1787 г. (см.: [Voltaire – Catherine II, p. 20–21]). Думается, что публикацией писем Дюваля и Соколовой императрица и ее придворный стремились опередить Бомарше, адресовав это издание просвещенной европейской публике и создав на его основании исключительно положительный образ России и самой Северной Минервы, то есть подтвердив основные послания Вольтера. Безупречная репутация скромного Дюваля, уважение к нему людей всех рангов и званий, представителей различных стран, богатая фактология писем, дающая представление о достижениях России в самых разных областях науки, искусств, социальных, этнических и религиозных отношений, были на руку императрице. Исчезнувшие оригиналы оставляли всего лишь одну-единственную версию фактов, которая как нельзя лучше соответствовала сценариям екатерининского царствования. Таинственная и запутанная история издания творений Дюваля, выбор тем, обсуждаемых в переписке, акцент на позитивных сюжетах и исключение неблагоприятных моментов говорят о том, что это было тщательно подготовленное издание, рассчитанное на западноевропейского читателя. Косвенно о том, что цель была достигнута, говорит факт, что вторая часть предпринятого Кохом издания произведений Дюваля осуществлена не была¹⁸.

С другой стороны, образ России, созданный в переписке В. Жамре-Дюваля и А. Соколовой, укладывался в новую тенденцию осмысления места и роли страны на Европейском континенте, которая складывалась прежде всего в научных исследованиях и в академическом преподавании того времени. Это позитивный контекст вос-

¹⁸ Издатель переписки Кох заявил в предисловии к двухтомнику работ Дюваля, что если он будет иметь успех, он издаст остальную часть наследия «деревенского философа» – его впечатляющий труд по нумизматике, небольшой философский роман, кое-какие «легкие пьесы» и др. [Duval, t. 1, p. XIV]. Хотя двухтомник явно пользовался успехом (вряд ли стали бы переводить неуспешное издание и на следующий год выпускать новое), заявленное намерение никогда не было осуществлено.

приятия образа России и русских во Франции, Германии и Западной Европе в целом, который стал набирать силу в 80-е гг. XVIII в. Это был уже не «русский мираж» философов Просвещения, а стремление на основании документов – исторических, отчетов и описаний результатов научных экспедиций – дать реалистический образ Северной империи. Наиболее известные в этом отношении – труды по истории России Вольтера, Леклерка, Левека [Baudin, p. 8]. В. Берелович убедительно доказал проявление этой тенденции в трудах 70–80-х гг. XVIII в. профессоров немецких университетов, которые работали уже в тесном сотрудничестве со своими русскими коллегами (см.: [Berelowitch, 2018, p. 205–212])¹⁹. Они были доступны для большого числа западноевропейских читателей и основывались на оригинальных русских источниках. Немецкие ученые знакомили свою аудиторию также с трудами русских историков, таких как М. В. Ломоносов, В. Татищев, князь М. Щербатов. Наряду с историческими трудами, большую роль в пересмотре господствующего дискурса о России и русских сыграли, по мнению исследователя, научно-популярные издания А. Ф. Бюшинга «Géographie universelle» (1768–1779) и «Magazin für die neue Historie und Geographie» (1767–1788), а также публикации записок и путевых заметок европейцев, побывавших в стране (см.: [Ibid., p. 213–220]). «Таким образом, научное открытие Российской империи в эпоху Просвещения надо рассматривать сквозь призму многочисленных научных сетей, на первом месте среди которых были отношения Геттингенского университета и Санкт-Петербургской академии наук, которые в каком-то смысле унаследовали сеть университета в Галле» [Ibid., p. 224].

В этой университетской сети особое место занимал Страсбургский университет, ректором которого в 1787–1788 гг. был старший брат издателя творений Дюваля профессор Кристоф-Гийом (Кристоф-Вильгельм) Кох, прославленный специалист по европейской истории и истории дипломатии, с 1771 г. руководивший известным Страсбургским дипломатическим училищем, наставник большого числа русских студентов, работавший в тесном сотрудничестве (как, впрочем, и вся семья Кохов) с князьями Голицыными – вице-канцлером Александром Михайловичем и послом в Вене Дмитрием Михайловичем²⁰. Своим студентам – будущим дипломатам профессор Кох читал систематические курсы по истории разных стран – Франции, Германии, Пруссии, Англии, Дании, Швеции, Польши, Нидерландов, Швейцарии, Савойи, Венеции и Королевства обеих Сицилий, Соеди-

¹⁹ Ученый обращает внимание на тот факт, что большая часть российских академиков этого времени были немцами по происхождению и нередко были воспитанниками или бывшими коллегами профессоров германских университетов, а также сами некоторое время работали в России (например, Г.-Г. Портан, А.-Л. Шлецер, Г. Бауэр, Г.-Ф. Мюллер).

²⁰ О связях двух семейств и о сети образовательных услуг, созданной ими, см.: [Berelowitch, 2005; Берелович, 2011; Берелович, 2013].

ненных Штатов Америки [Baudin, p. 67]. Помимо обзора основных исторических событий, Кох рассматривал «конституцию», то есть физическую географию, устройство, нравы большинства перечисленных стран [Ibid., p. 68]. Такие же курсы профессор читал и о России. Для своих русских воспитанников К.-Г. Кох написал два труда, финальная версия которых относится к 1785–1786 гг.: это «*Histoire de Russie avec sa partie politique*» («История России с обозрением ее политики», посвященная его ученику князю Алексею Андреевичу Голицыну) и «*Constitution de l'empire de Russie*» («Устройство Российской империи»), которые оставались неизданными вплоть до наших дней и сохранились в нескольких рукописных вариантах²¹. Содержание этих двух работ соотносится с внушительными фактологическими сведениями по истории, географии, религиозной жизни, социальному строению и социальной проблематике тогдашней России, по русскому искусству, литературе и пр. в переписке В. Жамре-Дюваля и А. Соколовой.

Образы русских людей – высокообразованных представителей русского дворянства, обладавших глубокими знаниями и культурными интересами, интересующихся предметами старины, самоотверженных патриотов, храбрых героев, – заметно отличались от стереотипов о варварах, населявших северо-восточные территории континента. Их общение (независимо от того, были ли это представители высшей титулованной знати или же обычные служащие офицеры, как «философ» Миловский) со скромным хранителем Кабинета медалей австрийского императора, почтительное отношение к нему, отсутствие барской спеси выдавали их облик представителей цивилизованной страны, ни в чем не уступающей своим партнерам на европейской сцене.

Издание переписки «деревенского философа» и камер-юнгферы русского двора должно было стать идеализированным обобщением первого периода царствования Екатерины II, ее достижений в области внутренней и внешней политики и верности «философа на троне» идеям Просвещения. Наряду с обилием других сюжетов, связанных с основными событиями и инициативами екатерининского царствования, образы русских создавали совершенно новые представления о Северной империи.

Список литературы

Берелович В. Гувернеры в семье Голицыных // Французский ежегодник : Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. / под ред. А. В. Чудинова и В. С. Ржеуцкого. М. : Ин-т всеобщ. ист. РАН, 2011. С. 190–199.

Бобринский А. Г. Дневник графа Бобринского, веденный в кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границу : [Извлечение] // Рус. архив. 1877. Кн. 3. Вып. 10. С. 116–165.

²¹ Об истории этих сочинений см.: [Baudin; Berelowitch, 2018].

Валишевский К. Вокруг трона : Екатерина II, императрица всероссийская. М. : Терра – Книж. клуб, 2004. 200 с.

Вачева А. Иллюзии «деревенского философа» о России : Политика Екатерины II 1760-х гг. глазами Валентина Жамре-Дюваля (1695–1775) // *Limes Slavicus* 2. Культурни концепти на славянството. Шумен : Университетско издателство «Св. Константин Преславски», 2017. С. 323–339.

Вачева А. Русия в две френско-руски кореспонденции от 60–70-те години на XVIII в. // Интерпретираме руската литература : сборник в чест на 75-годишнината на проф. дфн Петко Троев. София : Факултет по славянски филологии, 2018а. С. 9–23.

Вачева А. Чай, пушени еленски езици и хайвер : Вкусните руски изкушения в писмата на Валентин Жамре-Дювал и Анастасия Соколова // *Дългият XVIII век* 2. Наслади и забрани. София : Българско общество за проучване на XVIII век, 2018б. С. 113–121.

Воронцов А. Р. Записки графа Александра Романовича Воронцова // *Рус. архив*. 1883. Кн. 1. С. 223–290.

Гаррис Д., лорд Мальмсбери. Лорд Мальмсбери о России в царствование Екатерины II (переписка английского посланника при дворе Екатерины II, 1778–1783) // *Рус. архив*. 1874. Кн. 2. Вып. 11. Стб. 737–889.

Гельбиг Г. фон. Русские избранныки. М. : Воен. кн., 1999. 310 с.

Екатерина II. Письма императрицы Екатерины II к г-же Жоффрен // *СИРИО*. Т. 1. 1867. С. 253–291.

Казнаков С. Н. Дочь Бецкого и философ Дюваль // *Старые годы*. 1916. Окт. С. 3–78.

Клейн И. Торжествующая Россия : Военная лирика XVIII века // *Slověne = Словѣне* : Intern. J. of Slavic Studies. 2018. № 1. С. 174–210.

Костяшов Ю. В. Неизвестные страницы жизни сербского просветителя XVIII века Павла Юлинца // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История*. 1994. № 3. С. 40–49.

Лавринович М. За фасадом российского Просвещения : Питомцы московского воспитательного дома о своей жизни // *Отеч. зап.* 2017. № 4. С. 265–283.

Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М. : Новое лит. обозрение, 1996. 207 с.

Миранда Ф. де. Путешествие по Российской империи. М. : МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001. 380 с.

Ржевская Г. Памятные записки // *Институтки* : Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М. : Новое лит. обозрение, 2005. С. 33–66.

Baudin R. Préface : Christophe Guillaume Koch et la Russie // *Histoire de Russie avec sa partie politique* par Mr. Koch, professeur à Strasbourg suivie de Constitution de l'empire de Russie / ed., présentée et commentée par R. Baudin et W. Berelowitch. Strasbourg : Presses univ. de Strasbourg, 2018. P. 7–77.

Berelowitch W. Les gouverneurs des Golitsyne à l'étranger : les exigences d'une famille (années 1760–1780) // *Le précepteur francophone en Europe (XVIIe – XIXe siècles)* / sous la direction de V. Rjéoutski et A. Tchoudinov. Paris : Harmattan, 2013. P. 139–150.

Berelowitch W. Modèles éducatifs des Lumières dans la noblesse russe : le cas des Golitsyne // *Dix-huitième siècle*. 2005. № 37. Politiques et cultures des Lumières. P. 179–194.

Berelowitch W. Postface : Koch et l'historiographie européenne des Lumières sur la Russie // *Histoire de Russie avec sa partie politique* par Mr. Koch, professeur à Strasbourg suivie de Constitution de l'empire de Russie / ed., présentée et commentée par R. Baudin et W. Berelowitch. Strasbourg : Presses univ. de Strasbourg, 2018. P. 205–240.

Corberon M.-D. Un diplomate français à la cour de Catherine II (1775–1780) : *Journal intime du chevalier de Corberon, Chargé d'affaires de France en Russie* / publié d'après le manuscrit original, avec une introduction et des notes par L.-II. Labande : en 2 t. Paris : Librairie Plon, 1901. T. 1. 366 p.

Courbet A. Correspondance de Valentin Jamerey-Duval. T. 1. 4 novembre 1722 – 21 décembre 1745 [Texte imprimé] : bibliothécaire des Ducs de Lorraine / éd. critique établie par A. Courbet. Paris : Honore Champion, 2011. 652 p.

Duval V. J. Œuvres de Valentin Jamerai Duval, précédées des mémoires sur sa vie : en 2 t. St Pétersbourg ; Strasbourg : Chez J. G. Treuttel, 1784. 320 + 336 p.

Klein J. Das triumphierende Russland. Kriegsliteratur im 18. Jahrhundert // Zeitschrift für Slavische Philologie. Jahrgang 73. 2017. Ausgabe 2. S. 441–475.

Lüsebrink H.-J. Œuvres de Valentin Jamerai-Duval: une édition strasbourgeoise à la croisée des cultures // Histoire et civilisation du Livre. Vol. 15. 2015. P. 147–160.

Stroev A. La Russie et la France des Lumières : Monarques et philosophes, écrivains et espions. Paris : Institut des Etudes Slaves, 2017. 508 p.

Vacheva A. The Russo-Turkish War from 1768–1774 in Eighteenth-Century Russian Poetry and the Creation of the Mythology of Power in Russia // Power and Influence in South-Eastern Europe : 16th–19th Century. Münster : LIT Verlag, 2013. P. 319–328.

Voltaire – Catherine II : Correspondance 1763–1778 / texte présenté et annoté par A. Stroev. Paris : Non lieu, 2006. 372 p.

References

Baudin, R. (2018). Préface. Christophe Guillaume Koch et la Russie. In Baudin, R., Berelowitch, W. (Eds.). *Histoire de Russie avec sa partie politique par Mr. Koch, professeur à Strasbourg suivie de Constitution de l'empire de Russie*. Strasbourg, Presses univ. de Strasbourg, pp. 7–77.

Berelowitch, W. (2005). Modèles éducatifs des Lumières dans la noblesse russe : le cas des Golitsyne. In *Dix-huitième siècle*. No. 37. Politiques et cultures des Lumières, pp. 179–194.

Berelowitch, W. (2011). Guvernery v sem'e Golitsynykh [Tutors in the Golitsyn Family. 1760–1780]. In Tchoudinov, A., Rjeoutsky, V. (Eds.). *Frantsuzskii ezhegodnik. Frankoyazychnye guvernery v Evrope XVII–XIX vv.* Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 190–199.

Berelowitch, W. (2013). Les gouverneurs des Golitsyne à l'étranger : les exigences d'une famille (années 1760–1780). In Rjeoutski, V., Tchoudinov, A. (Eds.). *Le précepteur francophone en Europe (XVIIe–XIXe siècles)*. Paris, Harmattan, pp. 139–150.

Berelowitch, W. (2018). Postface. Koch et l'historiographie européenne des Lumières sur la Russie. In Baudin, R., Berelowitch, W. (Eds.). *Histoire de Russie avec sa partie politique par Mr. Koch, professeur à Strasbourg suivie de Constitution de l'empire de Russie*. Strasbourg, Presses univ. de Strasbourg, pp. 205–240.

Bobrinsky, A. G. (1877). Dnevnik grafa Bobrinskogo, vedennyi v kadetskom corpuse i vo vremya puteshestviya po Rossii i za granitseyu : [Izvlechenie] [Diary of Count Bobrinsky, Kept in the Cadet Corps and while Travelling around Russia and Abroad [Extract]]. In *Russkii arkhiv*. Book 3. Iss. 10, pp. 116–165.

Catherine II. (1867). Pis'ma imperatritsy Ekateriny II k gospozhe Geoffrin [Letters of Empress Catherine II to Mme Geoffrin]. In *SIRIO*. Vol. 1, pp. 253–291.

Corberon, M.-D. (1901). *Un diplomate français à la cour de Catherine II (1775–1780). Journal intime du chevalier de Corberon, Chargé d'affaires de France en Russie* : en 2 t. / publié d'après le manuscrit original, avec une introduction et des notes par L.-Il. Labande. Paris, Librairie Plon. T. 1. 366 p.

Courbet, A. (2011). *Correspondance de Valentin Jamerai-Duval*. T. 1. 4 novembre 1722 – 21 décembre 1745 [Texte imprimé] : bibliothécaire des Ducs de Lorraine / éd. critique établie par A. Courbet. Paris, Honore Champion. 652 p.

Duval, V. J. (1784). *Œuvres de Valentin Jamerai Duval, précédées des mémoires sur sa vie* : en 2 t. St Pétersbourg, Strasbourg, Chez J. G. Treuttel. 320 + 336 p.

Harris, J. 1st Earl of Malmesbury. (1874). Lord Malmesbury o Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II (perepiska angliiskogo poslannika pri dvore Ekateriny II, 1778–1783) [Lord Malmesbury on Russia in the Reign of Catherine II (Correspondence of the English Envoy to the Court of Catherine II, 1778–1783)]. In *Russkii arkhiv*. Vol. 2. Book 11, stb. 737–822.

Helbig, G. von. (1999). *Russkie izbranniki* [Russian Elects]. Moscow, Voennaya kniga. 310 p.

Kaznakov, S. (1916). Doch' Betskogo I "filosof" Duval [Betzkoï's Daughter and the "Philosophe" Duval]. In *Starye gody*. October, pp. 3–78.

Klein, J. (2017). Das triumphierende Russland. Kriegsliteratur im 18. Jahrhundert. In *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Jahrgang 73. Ausgabe 2, S. 441–475.

Klein, J. (2018). Torzhestvuyushchaya Russia: Voennaya lirika XVIII veka [Triumphant Russia: War Poetry in the 18th Century]. In *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. No. 1, pp. 174–210.

Kostyashov, Yu. V. (1994). Neizvestnye stranitsy zhizni serbskogo prosvetitel'ya XVIII veka Pavla Yulintsa [Unknown Pages of the Life of Pavel Julina, a Serbian Educator of the 18th Century]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seria 8. Istorika. No. 3, pp. 40–49.

Lavrinovich, M. (2017). Za fasadom rossiiskogo Prosveshcheniya. Pitomtsy moskovskogo Vospitatel'nogo doma o svoei zhizni [Behind the Facade of the Russian Enlightenment. Students of the Moscow Educational House about their Lives]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 4, pp. 265–283.

Lüsebrink, H.-J. (2015). Œuvres de Valentin Jameray-Duval: une édition strasbourgeoise à la croisée des cultures. In *Histoire et civilisation du Livre*. Vol 15, pp. 147–160.

Masson, Ch. (1996). *Sekretnye zapiski o Rossii vremeni tsarstvovaniya Ekateriny II i Pavla I* [Secret Notes on Russia during the Reigns of Catherine II and Paul I]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 207 p.

Miranda, F. de. (2001). *Puteshestvie po Rossiiskoi imperii* [A Journey around the Russian Empire]. Moscow, MAIK "Nauka-Interperiodika". 380 p.

Rzhevskaya, G. (2005). Pamyatnye zapiski [Memoirs]. In *Institutki: Vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits* [Institute Girls. Recollections of the Students of the Institute for Noble Maidens]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 33–66.

Stroev, A. (2017). *La Russie et la France des Lumières. Monarques et philosophes, écrivains et espions*. Paris, Institut des Etudes Slaves. 508 p.

Stroev, A. (Ed.). (2006). *Voltaire – Catherine II. Correspondance 1763–1778*. Paris, Non lieu. 372 p.

Vacheva, A. (2013). The Russo-Turkish War from 1768–1774 in Eighteenth-Century Russian Poetry and the Creation of the Mythology of Power in Russia. In *Power and Influence in South-Eastern Europe. 16th–19th Century*. Münster, LIT Verlag, pp. 319–328.

Vacheva, A. (2017). Illyuzii "derevenskogo filosofa" o Rossii. Politika Ekateriny II 1760–kh gg. Glazami Valentina Jamerai Duvalya (1695–1775) [The Illusions of the "Rustic Philosopher" about Russia. The Policy of Catherine II of the 1760s through the Eyes of Valentin Jamerai-Duval (1695–1775)]. In *Limes Slavicus 2. Kulturni kontsepti na slavyanstvoto*. Shumen, Universitetsko izdatelstvo "Sv. Konstantin Preslavski", pp. 323–339.

Vacheva, A. (2018a). Russia v dve frensko-ruski korespondentsii ot 60-te – 70-te godini na XVIII vek [Russia in Two Franco-Russian Correspondences from the 1760s to the 1770s]. In *Interpretirame ruskata literatura. Sbornik v chest na 75-godishninata na professor dñ Petko Troev*. Sofia, Fakultet po slavyanski filologii, pp. 9–23.

Vacheva, A. (2018b). Chai, pusheni elenski ezitsi i haiver. Vkusnite ruski izkusheniya v pismata na Valentin Jamerai Duval i Anastasia Sokolova [Tea, Smoked Deer Tongues and Caviar. Delicious Russian Temptations in the Letters of Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova]. In *D"lgivat XVIII vek 2. Nasladi i zabrani*. Sofia, B"lgarsko obshchestvo za prouchvane na XVIII vek, pp. 113–121.

Vorontsov, A. R. (1883). Zapiski grafa Aleksandra Romanovicha Vorontsova [Notes by Count Alexander Romanovich Vorontsov]. In *Russkii arkhiv*. Book 1, pp. 223–290.

Waliscewsky, K. (2004). *Vokrug trona: Ekaterina II, imperatritsa vserossiyskaya* [Around the Throne: Catherine II, Empress of Russia]. Moscow, Terra – Knizhnyi klub. 200 p.

The article was submitted on 18.10.2018